

Б. Н. ПУТИЛОВ

Песня „Добрый молодец и рѣка Смородина“ и „Повесть о Горе-Злочастии“

Данные, которыми располагает наука в отношении народных песен XVII века неисторического содержания, чрезвычайно скудны. «То не многое, что было закреплено записями этого времени, далеко не раскрывает всего богатства песенного репертуара».¹

Однако и имеющиеся материалы говорят о значительном развитии русской песни в XVII столетии, о том, что в ней ставились и по-своему решались важные проблемы эпохи.

Полон большого значения тот факт, что передовая демократическая литература второй половины XVII века, разрабатывая новые, большие и острые жизненные темы, широко обращалась к фольклору и неизменно находила в нем ценнейший художественный материал. И масштабы, и самый характер идейно-художественных связей литературы того времени и народной поэзии позволяют сделать один очень существенный вывод: тот круг проблем, который так занимал писателей демократического лагеря, несомненно находил свое отражение и в народной поэзии. В фольклоре и в литературе XVII века шла, неизбежно пересекаясь и взаимодействуя, параллельная разработка одних и тех же тем, поднимались одинаковые вопросы действительности. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы сопоставление сатирических повестей с произведениями народной сатиры, «Повести о Горе-Злочастии» с народными песнями о Горе и другие факты.

Можно расширить границы изучаемого материала, включить в поле исследования новые факты истории русского песенного фольклора XVII века и, не ограничиваясь внешними сопоставлениями произведений народного творчества и литературы, усилить изучение внутренних их связей.

Как известно, в литературе второй половины XVII столетия была остро поставлена тема общественных «нестроений», противоречий русской жизни, кризиса старого уклада и старого мировоззрения. В литературе появляются образы людей, оказывающихся в разладе с окружающей средой; их судьба, нередко трагическая, становится в центре повествования. В «Повести о Горе-Злочастии» и в «Повести о Савве Грудцыне» — произведениях, посвященных как раз этому кругу проблем, — обнаруживается значительная фольклорная струя, и этот факт следует оценить во всем его значении. Неизвестные авторы этих повестей могли

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Социально-бытовая народная поэзия XVII в. «Русское народное поэтическое творчество», I, М.—Л., 1953, стр. 454.

так широко опереться на народную поэзию прежде всего потому, что в ней они слышали отклик на волновавшие их темы. Сохранившиеся песни о Горе свидетельствуют об этом неопровержимо. Но ограничивался ли песнями о Горе круг произведений XVII века, которыми народная поэзия по-своему откликалась на жизненные вопросы, волновавшие все общество? Не естественнее ли предположить, что этот круг был значительно шире? И если это так, то не сохранились ли в поздних записях песни, сложившиеся в одно время с социально-бытовыми повестями второй половины XVII века и перекликавшиеся с ними внутренне, идейно-тематически?

Поиски ответа на поставленные вопросы привели к песне, известной в науке под названием «Добрый молодец и река Смородина». Специальному исследованию эта песня никогда не подвергалась. Ф. И. Буслаев попутно коснулся однажды ее содержания, истолковав сюжет в мифологическом духе.¹ В ряду песен, связанных с мифологическими представлениями, называет этот сюжет и Н. П. Андреев.² Однако уже П. Бессонов и В. Варенцов глухо указывали на связь песни о добром молодце и реке Смородине с «Повестью о Горе-Злочастии» и с песнями о Горе.³ Бессонов же связывал содержание песни с петровским временем, не обосновывая, впрочем, этого никакими аргументами.

Песня «Добрый молодец и река Смородина» редкая. До сих пор она опубликована в шести записях: в трех северных, двух волжских и одной сибирской.⁴ Волжские варианты явно неполные и, самое главное, никак не раскрывают смысла песенного конфликта. Северные записи дают, надо думать, вторичную версию сюжета; в них более поздний конфликт заслонил первоначальную, ставшую уже непонятной для певцов коллизию. Особый интерес представляет сибирский текст из «Сборника Кириши Данилова». Дело не только в том, что он наиболее полон и художественно выдержан; именно в нем вполне сохранился исконный народный замысел песни. Вариант этот особенно важен для нас и ввиду ранней его записи.

Сюжет песни с полным правом можно назвать уникальным. Особенно это относится к первой ее части. Подобного сюжета русская народная поэзия больше не знает. Это наводит на мысль, что настоящая песня сложилась в определенных социально-исторических условиях, обобщила раздумья народа над кругом жизненных явлений, типичных для одной эпохи.

Песня начинается описанием счастливой, благополучной жизни некоего доброго молодца: он преуспевает по службе, он пользуется всеобщим расположением и любовью.

Когда было молодцу
Пора, время великое,

¹ Ф. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. (Две лекции из курса истории русской литературы). «Летописи русской литературы и древности», IV, М., 1862, отд. 1, стр. 15—16.

² Русская баллада. Л., 1936, стр. XXI.

³ В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 130. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7. М., 1868, Приложения, стр. 77.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, II. М., 1910, № 186. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, III. Л., 1951, № 262. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 3—5, 5—8. — Онежские былины. Летописи Гос. Литературного музея, кн. 13, М., 1948, № 221. — Сборник Кириши Данилова. СПб., 1901, стр. 124—126.

Честь, хвала молодецкая;
 Господь бог миловал,
 Государь царь жаловал,
 Отец, мать молодца
 У себя во любви держат,
 А и род-племя на молодца
 Не могут насмотретися,
 Суседи, ближние
 Почитают и жалуют,
 Друзья и товарищи
 На совет съезжаются,
 Совету советовать,
 Крепку думушку думати
 Они про службу царскую
 И про службу воинскую.¹

Очевидно, что перед нами — персонаж, принадлежащий к привилегированным слоям общества, о чем красноречиво говорят слова о государе, жалующем доброго молодца, о друзьях и товарищах, приезжающих к нему обсуждать важные дела. Принадлежность героя к высокому кругу — факт сравнительно редкий для народных песен неисторического содержания.

В развитии сюжета наступает резкий перелом. Счастливая жизнь героя вдруг нарушается. В песне этот перелом передан очень выразительно: эпически спокойная картина преуспевающего доброго молодца сразу сменяется лирически взволнованными строчками:

Скати́лась яго́дка
 С сахарного дере́вца,
 Отломи́лась веточка
 От кудря́выя от яблони,
 Отста́ет добрый молоде́ц
 От о́тца, сын от матери.

Несомненно, что это — один из центральных моментов песни, и он очень удачно выделен художественно.

В народной поэзии далеко не всегда события в жизни героя описываются прямо, в точном соответствии с их действительным ходом. Имеет место образная передача событий, и здесь самый характер образов, тон, эмоциональная окраска приобретают решающее значение. Приведенные строки в этом плане очень типичны, и они легко разъясняются. Уподобление судьбы доброго молодца яголке (веточке), скатившейся (отломившейся) с «сахарного дерева», полно большого смысла. Перед нами поэтическое, в чисто песенном духе, изображение какого-то большого и — как станет ясно позднее — трагического конфликта героя с окружающей его средой. Песня говорит о том, что герой остается в одиночестве, он «отламывается», «отстает» от того мира, в котором до сих пор жил и преуспевал. Было бы неверно ограничивать происшедшее столкновение семейными рамками. Сама песня говорит об этом совершенно определенно:

А ныне уж молодцу
 Безвременье великое:
 Господь бог прогневался,
 Государь царь гнев взложил,

¹ Песня здесь и всюду цитируется по изданию: Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.

Отец и мать молодца
 У себя не в любви держат,
 А и род-племя молодца
 Не могут и видети,
 Суседи, ближние
 Не чтут, не жалуют,
 А друзья, товарищи
 На совет не съезжаются,
 Совету советовать,
 Крепку думушку думати
 Про службу царскую
 И про службу воинскую.

Конфликт настолько глубок и серьезен, что он захватывает все стороны жизни героя; добрый молодец лишается всего, что имел, ему наносятся удары со всех сторон. Северные варианты сюжета сводят дело к чисто семейной коллизии: отец женит героя против его воли, «тут молодцу-де жена не в любовь пришла», и «чужую, дальнюю сторону» он предпочитает жизни с нелюбимой женой. В этих вариантах о предшествующей конфликту благополучной жизни героя не говорится вовсе, а рассказ о переломе в его судьбе скомкан. Очевидно, северные певцы в XIX веке уже не понимали первоначального смысла песни и развили сюжет в новом направлении. Исконный же замысел предполагал конфликт неизмеримо более сложный и глубокий.

Сходство первой части песни с «Повестью о Горе-Злочастии» несомненно. Но это сходство не внешнее, оно определяется не какими-либо сюжетными совпадениями. Оно распространяется прежде всего на область проблематики, на центральную тему. Оно проявляется в выборе героя и в раскрытии его судьбы. Много общего между песней и «Повестью» в самом методе изображения действительности, а отсюда идут и некоторые более или менее прямые стилистические соответствия. Но в то же время песня и «Повесть» — произведения, во многом различные, как в идейном, так и в художественном отношении. Общую жизненную тему они разрабатывают на различном конкретном материале и решают основную проблему каждая по-своему. К тому же надо учесть, что перед нами — произведения разной художественной природы.

В ряде случаев «Повесть» помогает разъяснить важные места песни и прежде всего — основной смысл ее конфликта. Необходимо, следовательно, более детальное сопоставление песни и «Повести».

Оба произведения говорят о столкновении героя (он именуется одинаково — добрым молодцем) с окружающей средой и о трагических последствиях этого столкновения. В сюжете «Повести» старый мир, с его традиционными нормами быта и морали, воплощен прежде всего в родителях героя. Сам герой — лицо вполне частное, не занимающее никакого места в общественной жизни; он только начинает жить, и конфликт захватывает его на пороге самостоятельной жизни. Поэтому в «Повести» нет картины преуспевающего доброго молодца, подобной той, какая есть в песне. Но и в ней говорится о прежней благополучной жизни, и она ярко рисует, что потерял добрый молодец, послушавшись родителей.

Яз как принялся за питье за пьяное,
 ослушался яз отца своего и матери, —
 благословение мне от них миновалось,
 господь бог на меня разгневался
 и на мою бедность великия,
 многия скорби, неисцельныя,
 и печали неутешныя,
 скудость, и недостатки, и нищета последняя.

Укротила скудость мой речистой язык,
 иссушила печаль мое лице и белое тело, —
 ради того мое сердце невесело,
 а белое лице уныливо,
 и ясные очи замутились, —
 все имение и взоры у мене изменилися,
 отечество мое потерялося,
 храбрость молодецкая от мене миновалася.

Здесь многое не совпадает с картиной, представленной в песне, — прежде всего потому, что взяты разные сферы жизни, разные конкретно-социальные выражения одного конфликта. Но в то же время в судьбе героев очень много общего. Очевидно, что и в песне конфликт начинается в семье и затем, расширяясь, захватывает все стороны бытия героя. Если сюжет «Повести» строится как рассказ о судьбе человека, выступившего против родительской морали, спорящего с ней, уходящего из семьи, то в песне герой становится в противоречие явно со всем комплексом установленных жизненных норм. Он, повидимому, молод, но он уже вошел в жизнь, и разрыв его со своей средой нельзя объяснить так, как это делает «Повесть»:

Молодец был в то время се мал и глуп,
 не в полном разуме и несовершен разумом:
 своему отцу стыдно покориться
 и матери поклониться,
 а хотел жити, как ему любо.

Песенному молодцу уже не нужны советы — знаться «с мудрыми», водиться «с разумными»: песня показывает его в начале в кругу «разумных», и сам он принадлежит к этому кругу.

Народная песня взяла, следовательно, иную жизненную ситуацию, быть может, более острую, чем в «Повести». Песня не только делает своим героем человека, уже обладающего определенным жизненным опытом, занимающего высокое положение, но и придает конфликту широкий характер, перенося его в сферу отношений с церковью, с царем, с обществом.

Однако песня не раскрывает важного момента: что же совершил добрый молодец? В какие конкретные поступки вылилось его противодействие окружающим? За что он так беспощадно наказан? Было бы неверно относить отсутствие ответов на все эти вопросы на счет дефектности текста. Мы убеждены, что запись Кириши Данилова превосходно сохранила первоначальный и полный вид песни и последняя не требует никаких реконструкций. В данном случае надо учитывать специфику произведения как песни и, нужно принять во внимание его песенную природу. Если в самом методе разработки темы у песни и «Повести» есть нечто общее, то объясняется это, конечно, воздействием песенной поэтики на повесть. Но в песне эта поэтика более последовательна и органична.

В обоих произведениях нет ни конкретных, ни косвенных указаний на место и на время действия. Нет также тенденции как-то определенно представить героя; это — добрый молодец, у него нет имени, и биография его лишь угадывается. Такая отвлеченность от эмпирической достоверности, отказ от внесения житейских подробностей, от точных соотношений с конкретными фактами, налет известной недоговоренности, перевод изображения жизненных обстоятельств в план условный есть не что иное, как своеобразный метод художественного обобщения действительности. В «Повести о Горе-Злочастии» условный план тоже налицо, но он постоянно пересекается эпизодами ярко-бытового, житейски-конкретного порядка.

Художественная условность наиболее выразительно обнаруживается в том, как песня по существу отказывается от сколько-нибудь определенной характеристики происшедшего конфликта, от выяснения его причин и обстоятельств. Песня как бы заставляет нас домысливать, угадывать за предельно сжатым, эмоционально напряженным сопоставлением оторвавшейся ягодки с одиноким добрым молодцем, за изображением его горестной судьбы резкое и непримиримое столкновение двух мировоззрений, заставляет ощутить неудовлетворенность героя окружающим, желание его жить «по-своему».

А «Повесть о Горе-Злочастии», с ее более определенными и точными характеристиками, с распространенными описаниями, если и не может служить прямым комментарием к песне, то во всяком случае помогает понять отчетливее и глубже смысл ее конфликта. В этом плане «Повесть» не просто литературная параллель к песне. «Повесть» говорит о событиях, которые сами по себе в своих реальных основах представляют своеобразную параллель к тому комплексу жизненных явлений, который стал предметом песни.

Если народная песня не всегда озабочена необходимостью воспроизвести явление во всей его зримой конкретности и фактической точности, то зато она всегда дает изображаемому определенную оценку. Самый подбор образов, тон, эмоциональный настрой нашей песни в этом отношении совершенно определены: песня полна сочувствия к герою, она целиком на его стороне в этом конфликте. И хотя в песне нет прямого осуждения той среды, с которой порвал герой, но нет также и намека на то, чтобы заставить его покаяться и смириться. Добрый молодец исполнен чувства скорби:

А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая,

и он уходит, окончательно порывая с тем миром, который стал ему чужим. И здесь народная песня оказывается свободной от того груза традиций, страха перед силами старины, которые в определенной степени присущи «Повести». В полной мере это проявляется во второй части песни, которая повествует о дальнейшей судьбе героя.

На первый взгляд может показаться, что подобно герою «Повести о Горе-Злочастии» песенный добрый молодец уходит «на чужу дальнюю сторону» в поисках счастья. В известной степени это так. Однако тема второй части песни связана прежде всего с другим, более глубоким и сложным народным замыслом, который раскрывается в ходе анализа. Сюжет этой части вполне условный. Действие переносится здесь в некое эпическое место; в песне появляются образы, как-то связанные с былинным эпосом, хотя ни о каком переходе в былинку здесь речи быть не может. Былинные реминисценции носят отнюдь не внешний характер, они играют в песне очень важную роль, служат художественной реализации народного замысла.

С того момента, как добрый молодец решает уехать на чужую сторону, в его облике появляются черты богатыря. Он берет «добра коня стоялого», седлает его на богатырский манер. Эта подробность проливает свет на отношение песни к разрыву, который произошел у доброго молодца с окружающей средой. Можно было бы сказать, что разрыв этот песня рассматривает как подвиг, как рождение нового богатыря, героя. Следующий эпизод полностью подтверждает сказанное. Добрый молодец оказывается

у реки Смородины и ведет с ней разговор. Разговор этот — одно из прекрасных художественных достижений старой народной поэзии:

— А и ты мать, быстра река,
 Ты быстра река Смородина!
 Ты скажи мне, быстра река,
 Ты про броды кониные,
 Про мосточки калиновы,
 Перевозы частые!
 Провещится быстра река
 Человеческим голосом,
 Да и душой красной девицей:
 — Я скажу те, быстра река,
 Доброй молодец,
 Я про броды кониные,
 Про мосточки калиновы,
 Перевозы частые:
 Со броду кониного
 Я беру по добру коню,
 С перевозу частого
 По седелечку черкесскому,
 Со мосточку калинова
 По удалому молодцу,
 А тебе, безвременного молодца,
 Я и так тебе пропущу.

Чтобы уяснить смысл этого диалога и особенно заключительных слов «а тебе... я и так пропущу», надо несколько отвлечься от содержания песни и обратиться к образу реки Смородины, как он представлен в народной поэзии. Этот образ неоднократно встречается в фольклоре. «Во ту ли реку во Смородину» бросает тело жены князь Роман; «в тое реку во Смородину» велит кинуть провинившегося камер-лакея князь Волконский; в Смородине топится иногда девушка. Таким образом, в ряде песен эта река — место гибели героя или героини. В некоторых песнях о Горе молодец попадает к реке Смородине, и здесь к нему привязывается Горе; иногда он «сам себя выхваливает», похаживая по «мостичку калиновому», проложенному через реку. С образом Смородины в фольклоре связан целый комплекс представлений о реке, таящей в себе нечто трагическое, опасное, противостоящей человеку и готовой его погубить. Чтобы успешно противостоять реке, нужны какие-то особые качества. Об этом говорят былины, где богатыри обычно переправляются через реку и усмиряют ее. Укрощение Смородины входит, в частности, в ряд героических подвигов Ильи Муромца. Так, в былине, известной по собранию П. В. Киреевского (вып. 1, стр. 38), он совершает три подвига. Два из них — очищение от врагов Чернигова и победа над Соловьем-Разбойником. О третьем своем подвиге Илья Муромец говорит так:

Я мостил мосты на пятнадцать верст
 Через ту реку, через Смородину.

Анализ имеющихся материалов говорит, следовательно, об одном: благополучно переехать Смородину, подчинить ее себе может лишь герой. В словах реки, обращенных к доброму молодцу, в обещании пропустить его без всяких препятствий заключается признание его героизма, выражается не только сочувствие к нему, но и восхищение его подвигом. Мы видим, что для передачи этих идей народная поэзия нашла исключительно тонкие поэтические средства.

Песня могла бы и закончиться на этом, оставив своего героя в тот момент, когда перед ним открылись новые неизведанные пути. Но она про-

должается, и это продолжение поднимает песню на высоту большого трагического обобщения.

Переправившись через реку и отъехав «как бы версту-другую», добрый молодец неожиданно начинает «похваляться». Собственно, похвальбы нет, а есть его речь, унижающая реку:

— А сказали про быстру реку Смородину,
 Не пройти, не проехати,
 Ни пешему, ни конному,
 Она хуже, быстра река,
 Тоя лужи дождевыя.

Вслед за этими словами наступает трагическая развязка. Река Смородина просит доброго молодца вернуться — он забыл у переправы «два востра ножа булатные». Герой возвращается, но уже не находит ни брода, ни моста и гибнет. Гибель эта описана в песне с исключительным драматизмом:

Не узнал доброй молодец
 Того броду конниного,
 Не увидел молодец
 Перевозу частого,
 Не нашел доброй молодец
 Он мосточку калинова,
 Поехал-де, молодец,
 Он глубокими омуты:
 Он перву ступень ступил,
 По черев конь утонул,
 Другу ступень ступил,
 По седелечко черкесское,
 Третью ступень конь ступил,
 Уже гривы не видети.

Добрый молодец догадывается, что река Смородина топит его. И сама река отвечает на его вопрос:

— Безвременной молодец!
 Не я тебе топлю,
 Безвременного молодца,
 Топит тебя, молодец,
 Похвальба твоя, пагуба.

В песнях и в «Повести о Горе» неразумное хвастовство доброго молодца нажитым богатством приводит его к столкновению с Горем. «Повесть» явно осуждает похвальбу — «гнило слово похвальное» вырывается «по действию диаволу». В исследуемой песне речь идет совершенно о другом. Конечно, и здесь похвальба осуждается. Но молодец по существу не хвастает. Его слова о реке Смородине означают, что он не понимает смысла происшедшего у переправы, неверно оценивает великодушный поступок реки. Тем самым песня как бы говорит, что в нем нет важных нравственных качеств, столь необходимых настоящему герою. Вспомним, что в былинах богатыри никогда не хвастают, а исключительно редкие случаи хвастовства всегда вызывают самые тяжелые последствия: похваставший герой перестает быть истинным героем.

Подобно тому как в «Повести» столкновение с Горем-Злочастием вызывает в добром молодце «сомнение и неуверенность в своих силах»,¹ так и в песне встреча с рекой и переправа были серьезнейшим испытанием для молодца, были проверкой его ума, нравственной силы, его возможно-

¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Горе-Злочастии. «Русская повесть XVII века», Л., 1954, стр. 409.

стей. Этого испытания он не выдерживает и гибнет — гибнет не в столкновении со старым миром или с темными силами, стоящими на страже его, а гибнет из-за собственной слабости, из-за «глупого разума», из-за отсутствия качеств, необходимых для борьбы. И хотя песня вся проникнута сочувствием к доброму молодцу, к его судьбе, она с тем большей силой утверждает народную идею о том, что в жизни, исполненной испытаний и борьбы, способен устоять и победить лишь сильный духом.

Так довершается цельный народный замысел. Мы видим, что песня заключает в себе большое художественное обобщение. Всё в ней ведет нас к определенной эпохе русской жизни. И хотя песня не содержит никаких фактических данных для ее датировки, можно смело считать ее созданием второй половины XVII века. Об этом говорят прежде всего ее содержание, ее образы. Песня свидетельствует о пробуждении в фольклоре живого интереса к человеческой индивидуальности, к судьбе личности, оказавшейся в разладе с традиционным миром. Героем песни, возбуждающим глубокое сочувствие, оказывается теперь не исторически-конкретная личность, но лицо безымянное, явно вымышленное. Перед нами — новый метод типизации, чрезвычайно сходный с тем, который родился в литературе.

Добрый молодец песни внутренне родственен и герою «Повести о Горе-Злочастии» и Савве Грудцыну. Поиски новых путей в жизни приводят их к трагическому разладу с окружающей средой; они уходят из привычного окружения; в ходе жизненной борьбы обнаруживается их трагическая неспособность найти верный путь, и они терпят крах. Писатели XVII века уловили и отразили в своих произведениях реальные жизненные конфликты эпохи. Герой народной песни не получил такой же сложной и подробной психологической характеристики; самый сюжет песни не столь развернут, как в повестях, — он предельно сжат. Однако добрый молодец в песне проходит по существу тот же круг жизненных испытаний, переживает ту же трагедию, обнаруживает ту же внутреннюю противоречивость и слабость.

Есть в песне и еще одна идейно-художественная черта, характерная тоже для XVII века. Песню и «Повесть о Горе-Злочастии» роднит пронизывающая оба произведения грусть. Характер этой грусти — тот, о котором писал В. Г. Белинский: «Лучшие народные песни наши — грустного содержания...». Но это «тоска и грусть души сильной и мощной...». Это — «не болезнь слабой души, не дряблость немощного духа, нет, это грусть могучая, бесконечная, грусть природы великой, благородной».¹

В «Повести» грусть является одновременно выражением и неудовлетворенности действительностью, и осознания трагической неспособности героя выстоять и победить в жизненной борьбе. Эта последняя идея явственно звучит и в песне. Но здесь сильнее, чем в литературных произведениях, выражен пафос борьбы и героики. Рисуя гибель доброго молодца, песня в то же время выражает поэтические представления о существовании богатырских сил, могущих противостоять старому миру.

Несомненно, что зарождение и развитие мотивов грусти, — в том смысле, как понимал эти мотивы Белинский, — относятся к XVII веку и связано с формированием и усилением в народном творчестве и в литературе критического начала, протестующих, бунтарских настроений.

Песня о добром молодце и реке Смородине была, таким образом, произведением во многих отношениях новым для своего времени. Она —

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13 томах, VI, стр. 184, 475.

свидетельство сложных процессов, происходивших в народной поэзии XVII века.

* * *

Тот факт, что сюжет о добром молодце и реке Смородине в своей древнейшей версии сохранился в составе «Сборника Кирши Данилова», нельзя считать случайным. В «Сборнике» материалы фольклора XVII века вообще занимают значительное место, хотя они до сих пор в полной мере не учтены. Интерес составителя «Сборника» к произведениям на темы социально-бытового порядка несомненен. В «Сборнике» находится острый вариант песни о Горе, в ряде мест явно перекликающийся с «Повестью о Горе-Злочастии». Отметим, что следы переключки певцов (или собирателя) с этим произведением обнаруживаются еще в одном случае: начало духовного стиха о Голубиной книге очень сходно с началом «Повести о Горе-Злочастии».

С песней о добром молодце и реке Смородине явно перекликается песня «Из Крыму и из Нагаю» (№ 39). Правда, сюжет здесь как-то скомкан, вероятно, надо говорить о контаминации (и не очень удачной) двух песен. Но мы читаем здесь строки, прямо перекликающиеся с исследуемой песней:

Когда было добру молодцу время,
Народ, господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвременье
Никто-де молодца не почитает,
А сам се молодец размышляет...

Не говорят ли нам эти скудные факты о том, что тема судьбы человека, «отломившегося» от среды, которая стала для него чужой, но так и не нашедшего пути к счастью, — что эта тема была по-настоящему актуальной в свое время для народной поэзии и ей были посвящены многие песни, которые частью забылись, а частью были переработаны в новых условиях, и что, следовательно, песню о добром молодце и реке Смородине в ее отношениях к литературе второй половины XVII века надо рассматривать как факт, в русском фольклоре характерный и многозначительный.
